

ПИСЕМ ЕЩЁ НЕ НАПИСАННЫХ...

*Стране, которую мы потеряли.
Музыке, которую мы помним.
Посвящается*

Отходняк после вчерашнего застолья был тяжёлый. Сие немудрено – чай не двадцать лет. И не тридцать. Даже не сорок. Евгений Алексеевич Сапрыгин отмечал вчера сорок первый день рождения. Конечно, дата не круглая, да и вообще событие не заслуживало бы внимания, если бы не совпало с окончанием проекта марсианского зонда «Берендей».

Ну, так вот вышло... Проект принят, шли с опережением графика, до юбилейного ноября уложились с запасом. Короче, все молодцы, премии и грамоты ждут своих героев, и с чистой совестью коллектив имеет право...

Имеет-то имеет, но лишку вчера хватили многие, и Евгений в том числе. И вот теперь трель персонального коммуникатора «Сапфир» вгрызается в мозг похлеще бензопилы «Дружба».

Сапрыгин дотянулся до перкома, близоруко прищурился на необычный пустой экран, удивлённо поморгал, но всё-таки нажал зелёную кнопку.

– Здравствуйте, Евгений Алексеевич, – раздался в динамике хриплый баритон. – Потоцкий Сергей Егорович. Надеюсь, вы меня помните?

Фамилия вызвала неприятные ассоциации, но отчего так, похмельный Сапрыгин понял не сразу. Впрочем, догадка не заставила себя ждать. Он вспомнил пустой экран, вздрогнул и тревожно выдохнул:

– Комитет? Что-то по проекту?

Голос на той стороне успокоил:

– Не волнуйтесь, Евгений Алексеевич. Ваш проект окончен и одобрен. И даже отпразднован. – В динамике Сапрыгин уловил подобие усмешки.

«Знает, – подумалось. – Они там всё знают». Следующие слова подтвердили его мысль.

– Я поздравляю вас и с окончанием проекта, и с вашим прошедшим сорок первым днём рождения. Сожалею, что мешаю поправить здоровье после вчерашнего торжественного мероприятия, но у нас с вами есть одно незаконченное дело, в котором самое время поставить точку.

До Евгения наконец дошло.

– Это вы про... то письмо... письмо из будущего?

– Совершенно верно. Хотя эта формулировка сейчас уже не корректна.

– Пожалуй, – задумчиво протянул Евгений, неожиданно вспомнив звание собеседника – майор государственной безопасности. Или теперь нужно брать выше?

– Евгений Алексеевич, я жду вас сегодня в 14.00. Адрес помните?

– Разумеется.

Они попрощались. Сапрыгин положил «Сапфир» на полку и побрёл на кухню. В холодильнике нашлась непочатая бутылка «Боржоми». Он жадно ополовинил её содержимое, опустился на табурет. «Не по проекту – это главное!» – вот что вертелось в голове. А «письмо из будущего»... Забытая ерунда. Теперь уже точно. Холодная минералка почти вернула его к жизни. Евгений задумался. Это сколько ж минуло? Со времени последней беседы в Комитете – пять лет. С момента, когда всё случилось, целых двадцать восемь. Больше четверти века! За такой срок у человека есть право забыть всё, но Сапрыгину не позволили

этим правом воспользоваться. Из его головы вытащили все подробности. Евгений не обижался и всё понимал. Встреча с путешественником во времени – событие государственной важности.

* * *

– Женька, шапку не забудь надеть. Бабушка скандал устроит.

– Да на термометре сейчас, наверное, десять градусов, а я...

– Знаю, надеваешь шапку, когда становится меньше плюс пяти, это типа принцип такой.

– Точно. – Тринадцатилетний паренёк удивлённо уставился на незнакомого полноватого мужчину в очках, подошедшего к нему по пути из школы домой. – А вы кто? Бабушкин сослуживец?

– Ха, я кажусь тебе таким старым, да?

Женька промолчал, глядя на незнакомца с лёгкой настороженностью. Впрочем, дядька как дядька. Наметившаяся лысина, выпирающий из-под распахнутой куртки живот, обтянутый синим свитером. Морщины на загорелом лбу. Стоптаные ботинки на ногах.

– Ты смотрел фильм «Назад в будущее»?

– Ага. Летом в нашем видеосалоне крутили.

– Отлично. – Мужчина кивнул. – Значит, есть шанс, что ты поверишь.

– Поверю во что?

– Я – это ты через двадцать восемь лет!

Реакция была что ни на есть детской:

– Да ладно! Я буду таким толстым?!

– Не будешь, если захочешь изменить себя к лучшему. Я как раз хочу тебе помочь в этом...

– А где ваша машина времени? – то ли в шутку, то ли всерьёз поинтересовался парень.

– Машину времени пока не изобрели, но я знаю такое место... «Червоточина»... Через неё можно скакнуть ровно на 28 лет назад.

– Ух ты! А где находится эта «чер-во-то-чина»? – Незнакомое слово Женька проговорил почти по слогам.

– Далеко. В другой стране, в общем-то. Я проделал длинный путь, чтобы добраться сюда.

Женька пригляделся к говорившему. У того были голубые глаза, и вправду чем-то похожие на собственные, не раз изученные в зеркале. Мужчина тем временем достал из внутреннего кармана куртки пухлый конверт, абсолютно белый, без марки и граф для заполнения.

– На самом деле у меня совсем мало времени. Меня вычислили и теперь ищут. Поэтому возьми это, спрячь и изучи потом. – Он протянул конверт мальчишке.

Тот не спешил его брать. Мужчина сказал:

– Я хочу, чтобы ты прожил жизнь без моих ошибок. Чтобы с родителями всё было хорошо. Я написал про это здесь.

Упоминание про родителей сработало, и Женька осторожно протянул руку. Взял конверт, ощутил его плотность и вес. Хотелось спросить: «А что может случиться с родителями?» – но задавать такой вопрос было страшновато. К тому же вспомнилось кое-что из фильма...

– А как же пространственно-временной континуум?..

Пришелец из будущего хмыкнул.

– Честно? Не знаю. Может быть, ты сделаешь меня там, – он махнул рукой в неопределённом направлении, – богатым и знаменитым, а может я вообще исчезну. Не знаю, – ещё раз повторил он и вдруг оглянулся через плечо.

Женя тоже посмотрел в ту сторону. За оградой парка скрипнула тормозами чёрная «Волга». Но никто из неё почему-то не вышел.

– Спрячь письмо, Женька, – потребовал мужчина изменившимся голосом.

Мальчик подчинился, сунул конверт в школьную сумку между учебников, сверху легла ненавистная шапка.

– Жаль, я думал, у меня будет больше времени, – с сожалением пробормотал мужчина, – мы поговорим...

Он застегнул куртку, печально вздохнул. Женька, почувствовав, что тот сейчас уйдёт, вдруг обрушился на собеседника градом вопросов:

– Подождите, а что там, в будущем? Люди попадут на Марс? Машины будут летать? А войны с Америкой не случится?

Путешественник во времени улыбнулся.

– Войны не будет, это я тебе точно скажу. А остальное... Читай письмо, береги родителей. Мне, увы, пора.

Он в прощальном жесте поднял руку и, не говоря больше ни слова, торопливо направился к противоположному от «Волги» выходу из парка. Женька какое-то время смотрел ему вслед, но когда гость из будущего у самой ограды оглянулся, мальчишка уже топал домой, на ходу натягивая шапку.

* * *

– Знаете, а оно не сохранилось.

– Письмо?

– Ну да. Сканированная версия лежит где-то на персоналке, но у вас она тоже есть.

– У нас и это есть.

С этими словами кэгэбэшник Потоцкий, заметно округлившийся и поседевший за последние годы, пододвинул собеседнику прозрачный пластиковый пакет со знакомыми листками внутри. Евгений открыл застёжку, вытащил листки.

– Или мне кажется, или бумага немного другая? Что это за копия?

– Это оригинал, – сообщил Сергей Егорович, с интересом следя за реакцией гостя.

– В смысле? Тот человек дал мне письмо на обычной бумаге, а эта такая... гладкая, глянцевая, белая... В общем, другая. И тогда... когда мы с вами... работали, я такой не помню. Это...

– Это обычная современная бумага высшего сорта для высокоскоростных печатных машин.

– Так и я говорю. В конце 80-х такой ещё не было.

– Всё правильно. Ваш двойник принёс её с собой.

Сапрыгин помотал головой.

– Но я же помню...

– Да, вы помните письмо на обычной писчей бумаге и такой же конверт. И тем не менее. Это – оригинал.

До Сапрыгина начало доходить.

– Если это оригинал, то как он к вам попал? И главное – когда?

– В тот же день. Вернее, ночь. Ведь пионер Женя Сапрыгин не стал читать письмо сразу и даже домой не понёс, а спрятал в дедовском сарае.

Давно оставивший за плечами пионерское прошлое Евгений Алексеевич изумлённо почесал в затылке.

– Вы выкрали письмо и всё это время у меня была копия?!

– Да, – спокойно кивнул комитетчик. – Изумительного качества копия, если не считать бумаги. До последней запятой выверена.

– Мда, – медленно протянул Сапрыгин, – у меня нет слов. То, как работает ваша структура... Он откинулся в кресле, отвёл взгляд в сторону.

– Только пожалуйста, давайте без патетики. «Ах, как это подло!» и всё такое в том же духе. На карту были поставлены интересы государства. Надеюсь, вы это понимаете?

– Понимаю. – Евгений вздохнул. – Понимаю теперь и вашу уверенность в том, что мы – один и тот же человек. Вы сняли отпечатки именно с оригинала и сравнили с моими.

– Так точно. Более того, в конверте нашлись органические элементы и спустя несколько лет мы делали анализ ДНК. Сомнений нет. Вопросы о сходстве можно не задавать.

– Ладно, – кивнул Сапрыгин. – Ещё какие-нибудь сюрпризы будут? – Он посмотрел в глаза комитетчику.

– Пожалуй, нет, – после некоторой неуловимой паузы откликнулся тот.

– Тогда давайте дальше. Зачем я здесь?

– Вам сейчас ровно столько, сколько вашему двойнику, который нашёл вас в 1989-м. Хотелось узнать, может, появилось что-то ещё за последнее время.

– Да уж прямо бы спрашивали: не отыскал ли я ту червоточину, через которую в прошлое можно провалиться?

– Приятно иметь дело с умным человеком, – ухмыльнулся Потоцкий. – Так как насчёт «червоточины»?

– Нет, – покачал головой гость. – Видимо, в этой версии реальности мне не повезло.

– Мда, везение в данном случае – факт спорный. – Комитетчик задумчиво постучал авторучкой о крышку стола. – Ну а последняя часть письма? Там парочка женских имён... Не попадались они на вашем жизненном пути, так сказать?

Евгений нашёл последний лист рукописи, выхватил строку:

«Настя Табанкина – мерчандайзер в сети «Мандаринка». Всячески избегать пересекаться с бывшим. Итог – 4 августа 2010 г. сломанный зуб, подбитый глаз».

– Эти слова... Мерчандайзер, менеджер, рейдерство... Они же в обиход так и не вошли?

– Нет. Эти англицизмы советским людям без надобности.

– Значит, линии реальности разошлись основательно.

– Скорее всего. Но эту гражданку Табанкину мы знаем. На данный момент она товаровед в ГУМе. Мерчандайзер по-нашему – как раз товаровед. Так что некая схожесть местами прослеживается. – Потоцкий с хитрым прищуром уставился в глаза собеседника и быстро, с нажимом, спросил: – Так что – не свела вас судьба с Анастасией Ивановной?

– Нет! – в том же тоне ответил Сапрыгин. – Я счастлив в браке, и мне не нужны связи на стороне. Мы это, кажется, давно выяснили. Как и то, что личная жизнь двойника не сложилась категорически.

– Так и есть. Две трети его советов касаются, уж простите за грубость, баб. Лучше бы он и о стране не забывал.

Потоцкий достал из ящика стола пачку «Космоса», какое-то время молча крутил её в руках.

– Вот что, Евгений Алексеевич, – сказал наконец он, – вы настройтесь и ещё раз перечитайте... с высоты, как говорится, возраста. Ая, чтобы вам не мешать, выйду перекурить... на полчаса. И наверное, Машеньку попрошу сделать вам кофе.

Кофе был сногшибательно ароматен, но обжигаяще горяч. Евгений отставил белую фарфоровую чашечку, покосился в сторону двери, гадая, запер ли его комитетчик. Затем придвинул ближе письмо и прежде, чем заглянуть в знакомые строки, решил воссоздать хронологию событий.

Осенью 1989 года к тринадцатилетнему Женьке Сапрыгину, возвращающемуся из школы, подошёл некто, назвавшийся Евгением из будущего, отстоящего от текущего момента на 28 лет. Подошёл, заговорил и вручил конверт с письмом, где записаны были предупреждения и советы относительно его жизни. Конверт Женька поначалу спрятал в дедовском сарае, где у него за верстаком имелся тайник. Теперь вот выяснилось, что в ту же ночь люди из КГБ, следившие за пришельцем из будущего, а значит, и за ним, выкрали письмо и подсунули на его место идентичную копию. Изучением написанного Женька занялся через пару дней, когда пришёл в себя после странной встречи. Как раз выдался момент, он остался дома один. Относительно письма его постигло разочарование. Начать хотя бы с того, что двойник из будущего не обещал ему никакой настоящей профессии – ни бравого пожарного, ни покорителя полюса, даже водителя-дальнобойщика. Женька-школьник вообще не понял, где работает его взрослый двойник. В самом конце письма говорилось о каком-то «фрилансе». Кроме того, первые советы начинались только с периода поступления в институт. Единственное исключение – рекомендация уговорить родителей не продавать дачу в 1992-м, когда «наступят трудные времена» (дачу, впрочем, передумали продавать и без его вмешательства). Ещё было какое-то странное сообщение, относящееся к тому периоду: «Не вестись на ваучеры, пирамиды типа МММ, деньги хранить в долларах», но всё это казалось бредом. В письме упоминалось много женщин, у двойника было два неудачных брака, но это тринадцатилетнего пацана пока не очень интересовало. Важной являлась информация о потере отцом его любимой работы в НИИ и подорванном на этой почве здоровье, но сие тоже пророчилось только в 1994-м. Конкретных рекомендаций на ближайшие год-два-три не нашлось. По итогу, уже через неделю письмо было упрятано между старых книг, и Женька про него почти забыл. Сама встреча, правда, забылась не так скоро. Образ толстого дядьки, которым он может стать, местами заставлял Женьку уделять больше внимания физкультуре, но только и всего.

А в 9-м классе при приёме в комсомол он познакомился с комитетчиками. Вернее, пока с одним. Пожилым пронцательным дядькой с густыми усами, который носил необычное имя – Ильшат Маратович. С данным обладателем красной корочки и состоялась первая осторожная беседа о человеке, которого Женька встретил в парке два года назад, и о письме, что тот вручил ему. Для пятнадцатилетнего пацана внимание со стороны великого и ужасного КГБ, державшего, оказывается, его уже два года под колпаком, явилось, конечно, немалым стрессом. Однако Ильшат Маратович проявил чудеса дипломатии, показав себя незаурядным психологом. Он привлёк отца, провёл пару вдумчивых бесед, и уже через месяц комсомолец Женька Сапрыгин с энтузиазмом сотрудничал с органами госбезопасности по проекту «Пришелец из будущего», в котором сам и являлся главным объектом. За три месяца активной работы было разобрано по строчкам всё письмо, составлены списки неизвестных слов и упоминаемых имён, проведён анализ почерка и собран психологический портрет одного и другого Евгения. Состоялась даже серия сеансов гипноза, благодаря которым встреча в парке была тщательно описана и запротоколирована. Выжав всё что можно, Женю отпустили жить дальше.

Серьёзная проверка значимости письма состоялась при поступлении в институт. Сложность при выборе жизненного пути сопровождает всех выпускников без всякой фантастики. Женьке же было труднее в разы. Этот момент в письме не содержал чётких советов. Двойник из будущего писал, что поступил на «Технологию транспортных процессов» из-за низкого проходного балла, и, с одной стороны, при хорошей подготовке не советовал выбирать эту специальность, но с другой... Именно там он встретил свою первую любовь – блондинку по имени Зоя. И хотя отношения с Зоей не продлились больше года, именно это время было насыщено флюидами счастья, как никакое другое. Женя, как и всякий юноша, жаждал любви, стремился испытать это неведомое доселе чувство, но в то же время его тянуло к фундаментальным наукам. При мысли о грузоперевозках или организации труда автопарка его клонило в сон. Отец поддерживал далеко идущие стремления сына, высоко ценил талант мальчишки школьный учитель физики Павел Олегович, с которым в последние годы у Жени наладились тёплые отношения. Комитетчики придерживались нейтралитета. В итоге абитуриент Сапрыгин решил не следовать примеру двойника и подавать документы на «Физику и технику оптической связи». С этой чёткой целью он пришёл в институт, но тут внезапно на его пути встретилась стайка симпатичных абитуриенточек, двигающихся от стенда... «Технологии транспортных процессов». Всего лишь несколько мимолётных фраз, милых юных улыбок – и вот уже тяга к романтике побеждает доводы разума. В сентябре, будучи студентом группы ТТП-11, Женька обнаружил, что ни в его группе, ни в параллельной нет девушки с именем Зоя. Более того, во всём потоке (выяснить это помог Ильшат Маратович) была только одна Зоя на «Экологии» – некрасивая полноватая девушка с кривым носом. Разочаровавшись и в девичьем ассортименте группы, и в выбранной специальности, Женька едва дождался окончания семестра, чтобы оформить перевод на вождеденный ФТОС.

Немалая доля бюрократии, связанной с переводом на другую кафедру, выпала на библиотечный сектор. Застряв там в абонентском отделе в один из предновогодних дней, Женя познакомился с милой и скромной девушкой Олей с гуманитарного отделения. Новый, 1994 год они встретили вместе и, подтвердив правоту известной приметы, провели его тоже вместе. И следующий год. И следующий за ним аналогично. На четвёртом курсе они сыграли свадьбу. Старший сын Павел родился у четы Сапрыгиных, когда Евгений оканчивал аспирантуру.

Ни Зоя, ни следующая за ней Валя, ни первая жена двойника Наташа на горизонте не появились. Женьке они, впрочем, были без надобности. Ему хватало любимой Оли. Но это окончательно разубедило возмужавшего Сапрыгина в полезности письма из будущего.

Однако в КГБ с этим были не согласны. Когда в права вступил XXI век, насытив жизнь компьютерными технологиями, за письмо взялись снова. Ушёл за эти годы в отставку Ильшат Маратович, принял у него дела новый куратор Сергей Егорович Потоцкий. Снова пригласили на тот момент молодого специалиста Сапрыгина к сотрудничеству. Текст пропускали через хитроумные программы, анализировали имена и даты, делали сравнительный анализ словарного запаса двух Евгениев. Дошло даже до детектора лжи, применённого для некоторых тестов, и экспериментального устройства под названием мемоскоп. Вывод был сделан понятный и без этих сложностей. Пришелец прибыл из несколько иного мира. В мире том царил капитализм и больше не существовал СССР. Оставалось невыясненным, путешествие сквозь «червоточину» чужого Евгения разделило нить реальности на две ветви или это случилось само собой.

Шли годы. Убедившись, что ни одно событие, отмеченное в письме, в том числе самое страшное – смерть отца от инфаркта, – в реальной жизни не состоялось, Евгений Сапрыгин, коммунист, профессор, семьянин, отец двоих детей, участник проектов «Лунного маяка» и «Марсианского зонда», окончательно счёл письмо из будущего бесполезной бумажкой. Нет, иногда «пророчества» из грядущего сбывались: на месте безнадёжно устаревшего завода вырос новый торговый центр, упомянутый в тексте. По двору, где стоял тот самый дедовский сарай, проложили дорогу. За границей имела огромную популярность продукция фирмы Apple, но выражение «купить акции» для советского человека ничего не значило. Случился и предсказанный накануне 2011-го «ледяной дождь». Но всё это была какая-то ерунда...

Ещё один «сеанс связи» с комитетчиками состоялся в 2012-м, когда подошла к концу всеобщая персонализация в сети SOVNET и Сапрыгину показали полный список упоминавшихся в тексте фамилий, числом около двадцати. Только с двумя из них, теми, что «родом из детства», он был знаком. Остальные ничего для него не значили. Мир Евгения и мир того парня, которым он не стал, расходились всё дальше и дальше.

И вот теперь 2017-й, и, похоже, пора ставить точку в этом деле.

Евгений допил кофе, послушно перечитал письмо, естественно не найдя в нём ничего нового, вообще ничего, о чём стоило говорить. Всё было сказано уже давно. Вернувшийся Потоцкий уловил суть правильно. Что эта встреча – формальность, понимали оба. «Червоточина»? Ни малейшей зацепки, где её искать, и это истинная правда. Её местонахождение останется загадкой. Пришелец из будущего – легендой для посвящённых. Точка.

* * *

– Олечка, я так по тебе соскучился!

– Женька, мы уехали два дня назад.

– И что? Всё равно соскучился...

Он стоял у окна, наблюдая, как город поглощают холодные ноябрьские сумерки, выдавливая сизой мглой свет праздничной иллюминации. Собственная квартира за спиной была непривычно пуста, тиха и неуютна. Серость и холод, казалось, атаковали со всех сторон. Теплотой веяло лишь из динамика «Сапфира».

– Милый мой Женька! Что-то случилось?

– Да так... Потоцкий к себе приглашал. Разными тётками соблазнял, но я сказал, что люблю только тебя.

– Не уgomонится он никак, да?

– Да вроде всё. Срок подошёл. Дело сдаётся в архив. Камень с души. – Он вздохнул, переложил перком из одной руки в другую. – Ты расскажи лучше, как вы там в Ленинграде устроились?

– Чудом, Женька, чудом. Все гостиницы забиты. Частники втридорога дерут. Туристов полно. Иностранцев – толпы. Шутка ли – столетие Октябрьской революции?!

– Как программа мероприятий?

– О! Шикарно! Размах колоссальный. Одна реконструкция штурма Зимнего чего стоит. Мы уже, кстати, посмотрели, как «Аврору» отреставрировали. Стрельнёт по-настоящему. И на выемке капсулы времени присутствовали. Завтра и послезавтра, слушай, прочитаю:

демонстрация, гала-концерт, авиашоу, голографическое и световое представление, фейерверк, разумеется. Очень пожалеешь, что с нами не поехал.

– Да ничего, я по телевизору посмотрю. В прямом эфире трансляция будет по всем каналам. Как там дети?

– Отлично. Слушай, мы, похоже, правы были. Пашка после школы по партийной линии пойдёт. Ты представь только! Он историю КПСС с собой почитать взял.

– Сурово. – Женя хмыкнул. – А Катюха?

– А ей просто атмосфера праздника нравится. Стрекоза такая – дольше меня наряды выбирала, в которых гулять пойдём. Кстати, у нас со вчерашнего дня идёт снег.

Евгений посмотрел на тяжёлые низкие тучи, сказал с грустью в голосе:

– И у нас, похоже, вот-вот начнётся.

– Не унывай, профессор, всё хорошо.

– Ага, – кивнул Женя. – Знаешь, Оля, голос твой услышал – и на душе легче.

– Ну ты и льстец!

– Ничего подобного!

– Ладно, милый, давай завтра с утра созвонимся, а то мы сейчас в Ледовый дворец идём на гастроли югославского цирка.

– Ну, хорошо. До связи, родная.

Они распрощались.

Евгений, так и продолжавший стоять у окна, коснулся лбом холодного стекла и, прикрыв глаза, представил, как где-то в неведомых далях параллельных вселенных существует мир, где распался Советский Союз, где социализм не выдержал схватки с капитализмом и где пытается жить его двойник, которому отчаянно не везёт с женщинами. Тамошний Евгений Сапрыгин, открыв «червоточину», пишет письмо самому себе, возлагая на этот текст огромные надежды. «Я же, получив свод советов, если рассудить, не воспользовался в чистом виде ни одним из них. Ну, так и есть! Ни одним, за исключением... постскриптума».

Евгений вздрогнул, открыл глаза, взбудораженный какой-то промелькнувшей неясной мыслью. Спешно прошёл в кабинет, остановился напротив стены, где висели портреты, дипломы и ещё одна заветная памятная рамка. Именно её Евгений коснулся рукой, будто проверяя на реальность. Лишь после этого дословно воссоздал в памяти последнюю строчку письма.

«Р. S. Кстати, сходи на концерт группы «Кино» через месяц. В следующем году Цой погибнет, будешь сильно жалеть, что не послушал его живьём».

– А вот фиг! – вслух сказал Сапрыгин, любясь коллекционным артефактом.

Под стеклом в рамке хранились два билета: невзрачный типографский отпечаток со штампом с того самого концерта 1989 года и красочный буклет с личным автографом «55-летний юбилей Виктора Цоя в Государственном Кремлёвском дворце». Два билета, между которыми прошла, по сути, вся жизнь.

– Фиг! – повторил Евгений. Достал диск с чёрной обложкой, активировал сенсорную панель «Веги-2012». Через миг из динамиков аудиосистемы полилось: «Песен ещё не написанных...» Евгений поддел, вместо «песен» – «писем», вспоминая как это было...

Отпускать его, тринадцатилетнего пацана, на (страшно представить!) рок-концерт родители не хотели категорически, но удачно так вышло, что за него и ещё нескольких школьников-фанатов поручился учитель физики и даже вместе с ними пошёл на выступление

«Кино», выступление суперклёвое, незабываемое, во всех смыслах обалденное. Собственно, с этого момента с Павлом Олеговичем и начались тёплые, почти дружеские отношения и Женька постепенно увлёкся физикой.

И тут мысль, мелькнувшая пять минут назад, пришла снова, уже более чёткая и прямая.

А что, если про «эффект бабочки» правда... Всего один поступок... Чтобы изменить мироздание, достаточно малюсенького толчка. Чтобы сделать мир другим, и свою жизнь в частности, достаточно просто однажды принять правильное решение и... сходить на нужный концерт.

Только и всего.

Евгений Сапрыгин снова подошёл к окну. В свете фонарей мелькнули первые снежинки. Он смотрел на них, кивая в такт музыке, и улыбался.

* * *

Подобно Евгению в окно смотрел и седоусый старик, любуясь, как первые снежинки падают на гладко стриженные газоны его загородного дома и на крышу чёрной «Волги-Консул» навестившего его гостя.

– Ильшат Маратович, налито.

– Да, Серёжа. – Старик поправил за ухом слуховой аппарат, не без помощи трости доковылял до без особых изысков накрытого стола, осторожно опустился на стул. – Так что, наше дело пошло в архив?

– Да. Выжали что могли. Сами знаете.

– Но главное всё-таки осталось тайной...

– Увы, путешествия во времени нам пока неподвластны.

– Представляешь, что было бы, найди мы тот портал?

– Если бы да кабы... К чему эти фантазии?

– И то верно, – кивнул старик, пододвинул к себе рюмочку с коньяком, спросил с прищуром: – Что-то открыл своему подопечному?

– Только то, что у него всё время была копия.

– Остальное? Про то, что двойник его при задержании погиб?

– Нет, не говорил.

– Про данные с его планшетного компьютера, по которым мы расписали ход истории и определили виновных в развале СССР в той ветке реальности?

Потоцкий упрямо покачал головой.

– Он знает только про письмо.

Старик булькнул хриплым смехом:

– Ха, имей мы на руках только письмо, хрен бы мы чего поняли и смогли сделать.

Он замолчал, облизнул губы, пригладил усы, спросил после паузы:

– Про завербованного учителя физики тоже не сказал?

– Не счёл нужным.

– Про то, как музыканта этого, рокера, спасали?

Кэгэбэшник отрицательно покачал головой.

– Ну и правильно, – похвалил Ильшат Маратович. – Молодец! Так, а что же теперь товарищ Сапрыгин?

– Полагаю, размышляет про «эффект бабочки» и про то, как, сходя однажды на концерт любимого артиста, изменил мир.

– Ну да. В то время как на самом деле над спасением мира, то есть нашей родины, работали не покладая рук сотни специалистов на протяжении десятка лет.

– Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна, – процитировал Потоцкий текст известной песни.

– Это точно. Давай, Серёжа, за нашу службу и выпьем. За службу, успешную работу и за нашу спасённую советскую Родину.

Два комитетчика удовлетворённо звякнули рюмками.

За окном мягкими хлопьями падал снег.

Октябрь-ноябрь 2017